

неомарксистских интерпретаций и носит на себе родовое пятно марксистского редукционизма, стремления свести сложные многоплановые явления к одной универсальной причине – корыстным интересам провинциальных интеллектуалов и политиков. Поверхностный характер суждений и гражданский пафос в построениях конструктивистов дают достаточно оснований, чтобы рассматривать конструктивизм как политическую идеологию транснационального сообщества. С точки зрения глобальной (а нередко и государственной) перспективы этнонационализм, естественно, воспринимается как нечто иррациональное, архаичное и достойное всяческого порицания. Если нация – артефакт или случайность, то в чем заключается закономерность, «естественный» и «правильный» путь развития? Что за общности «должны были» возникнуть вместо наций, если бы «естественный» процесс не испортили ретрограды-националисты? «Нациестроительная» активность этнических элит и национализм были наиболее доступной для наблюдения составной частью процесса, но отнюдь не первопричиной: националистические призывы, звучащие вполне современно, в средние века и первые столетия нового времени оказались непонятными, но в XVIII–XIX вв. (а в ряде стран только в XX в.) «националистический проект» в форме национальных «пробуждений» и «возрождений» в очень многих случаях, а в Европе практически повсеместно, свел на нет имперские и полиэтничные гражданские альтернативы. Достаточно очевидно, что националисты смогли «изобрести» нации лишь там и постольку, где и поскольку под воздействием ряда факторов происходил процесс формирования наций как современной формы этнических общностей.

В своем стремлении доказать несостоятельность агрессивного, достойного осуждения, национализма и близких к его мифологемам примордиалистских концепций, конструктивисты излишне категорично отрицают также всякую возможность субъектности и субстантивности наций. В нормальных условиях коллективные свойства этнонации не проявляются в виде каких-либо политических или иных решительных действий, реализуясь преимущественно в виде повседневных коммуникаций, хотя для внешнего наблюдателя этого уже достаточно, чтобы заметить отнюдь не фиктивный характер нации. Но можно привести сотни примеров коллективных действий и сплоченности конкретных наций в критических ситуациях, исход которых зависел скорее от реакций, ожиданий и политического поведения основной массы населения, нежели от действий элит. Нация реальна в такой же мере, в какой реальны гражданско-политическая и другие виды «воображаемых общностей», и едва ли правомерно рассматривать ее исключительно как *idée fixe* профессиональных националистов, в силу своих убеждений склонных чрезмерно субстантивировать нацию и игнорировать сложность ее структуры.

Сказанное по поводу конструктивистского подхода никоим образом не ставит под сомнение достоинств книги, в особенности эвристического потенциала «триады полей», сформулированной Р. Брубейкером и его анализа конкретных ситуаций. Скорее всего предложенный им аналитический подход переживет конструктивистскую доктрину.

А.А. Прусаускас

© 1997 г., ЭО, № 6

И.Л. Б а б и ч. Народные традиции кабардинцев в общественном быту. М., 1995. 128 с.

Трудно переоценить то влияние, которое продолжает оказывать традиционная культура на жизнь народов Северного Кавказа. Благодаря этому обстоятельству исследования, раскрывающие новые перспективы изучения традиционной культуры, представляют значительный интерес. Монография И.Л. Бабич посвящена одному из важнейших аспектов социальной и культурной истории кабардинцев – эволюции народных традиций в общественном быту. Изучение традиций особенно актуально в настоящее время, когда в Кабардино-Балкарии с необычайной силой пробуждается интерес к национальным истокам, стремление найти опору в незыблемых нравственных ценностях, воплощенных в традиционных нормах и институтах. Вполне закономерно желание общества понять и осознать – на каких принципах основывались взаимоотношения как между отдельными людьми, так и между различными их группами, какие нормы и установления обеспечивали устойчивость общественного организма в течение долгих веков. Не менее, если не более важен и другой вопрос – в каком направлении изменялись эти нормы и принципы, что было причиной этих изменений и какова дальнейшая перспектива их существования? Имеется целый комплекс вопросов в современном кабардиноведении, требующих глубокого осмысления.

На многие из этих вопросов читатель может найти ответы в монографии И.Л. Бабич. Поставив своей целью исследование четырех основных комплексов народных традиций кабардинцев (почитание старших, уважение к женщине, взаимопомощь, гостеприимство) автор стремится рассмотреть их во многом с новых позиций, с максимальной объективностью, представляя анализ их функционирования на протяжении XIX–XX вв. И.Л. Бабич сфокусировала свою работу на исследовании соотношения народных представлений о традиционных институтах и их реального функционирования в обществе. Реальное поведение людей

колеблется между двумя полюсами – нормой и ее нарушением. Этим объясняется ориентация автора не только на рассмотрение самих норм поведения, но и их нарушений. Следует отметить, что исследование традиционных институтов в данном ракурсе оказалось возможным только в постперестроечный период. Ранее подобные работы были возможны исключительно в русле советской идеологии.

Большим достоинством рецензируемой монографии является привлечение обширных архивных материалов, к которым кавказоведы еще не обращались, а также оригинальных полевых этнографических материалов, собранных И.Л. Бабич в кабардинских селах. Автором проведены экспедиции во все районы Кабарды, что обусловило полноту и представительность собранного полевого материала.

Монография включает введение, две главы, посвященных двум временным срезам (вторая половина XIX – начало XX в. и 1917–1990-е годы), заключение и приложение. Последнее представляет значительный самостоятельный интерес, поскольку здесь помещены архивные данные, впервые вводимые автором в научный оборот.

Не ставя своей задачей детально рассмотреть все содержание монографии И.Л. Бабич, остановимся на основных моментах, которые заслуживают особого внимания. Определяя место института почитания старших по возрасту в общей системе ценностей кабардинцев, автор счел целесообразным рассмотреть взаимосвязь биологического и социального признаков категории «возраст», используя принятые в этнографической науке термины «биологического» и «социального» возрастов. Изучая институт почитания старших в таком ракурсе, И.Л. Бабич установила, что для Кабарды во второй половине XIX – начале XX в. была характерна строго закрепленная в терминологии иерархия общественных статусов, отражавшая социальную дифференциацию людей в общине. В монографии предпринята первая, насколько нам известно, попытка описания этого феномена. При анализе итоговых материалов И.Л. Бабич выделяет четыре степени уважения и три степени неуважения. Автор аргументированно обосновывает свою позицию в этом вопросе и данная иерархия представляется нам довольно любопытной и интересной.

Важное место в монографии занимает рассмотрение института гостеприимства. Эта тема неоднократно исследовалась и раньше. Однако И.Л. Бабич впервые поставила вопрос о взаимосвязи различных критериев при определении степени «почетности» гостей, выявила различие между понятиями «тип гостя» и «тип приема гостя». В рецензируемой монографии даны типология гостей и типология приемов гостей, выявленные по материалам кабардинского общества XIX – начала XX в. Ход исследовательской мысли И.Л. Бабич представляется интересным, поскольку он позволяет обрисовать новый круг проблем, связанных с таким хорошо исследованным институтом, как гостеприимство.

Заметное место в монографии отводится рассмотрению института взаимопомощи. Автор показывает, насколько эффективен был механизм института взаимопомощи во второй половине XIX – начале XX в. и особенно в 1920-е годы. И.Л. Бабич обратила внимание на то, чему ранее исследователи не придавали большого значения. Используя архивные материалы, показывающие экономическую жизнь кабардинской общины, она попыталась разобраться в реальном функционировании института взаимопомощи. И.Л. Бабич подвергла сомнению тезис предшествующих исследователей о том, что в кабардинской общине были широко распространены многие формы взаимопомощи. Ни в коем случае не умаляя роли в жизни общества ряда форм взаимопомощи, И.Л. Бабич достаточно убедительно показала ограниченность их реального распространения у кабардинцев во второй половине XIX – начале XX в.

Следует отметить, что аналитический характер исследования, введение в научный оборот значительного массива нового этнографического материала и новая трактовка уже известных в кавказоведении фактов и явлений – несомненные достоинства данной монографии. Особо следует отметить заслуги автора в исследовании особенностей функционирования традиций общественного быта в советский период, поскольку до настоящего времени эти вопросы практически оставались неизученными или же их освещение происходило в сильно искаженном виде, в силу идеологического контроля над историко-этнографическими исследованиями современности.

Конечно, многие проблемы, поднятые в рецензируемой монографии, не получили своего окончательного решения. Так, по сравнению с другими менее разработанными остались вопросы, связанные с семейными и общественными статусами женщин. Видимо, это связано с тем, что данные проблемы в достаточной степени изучены в советском кавказоведении (мы имеем в виду исследования Я.С. Смирновой). Во многом это обусловлено и ограниченным объемом издания.

Мы приветствуем характерный для автора новаторский подход к исследованию общественных институтов кабардинцев и уверены, что монография И.Л. Бабич привлечет внимание не только специалистов-кавказоведов, но и широкий круг читателей, интересующихся культурным наследием народов России и проблемой практического использования традиционных институтов в наши дни. Появление подобного исследования говорит о том, что новое поколение молодых этнографов-кавказоведов начинает преодолевать сложившиеся в советской этнографической науке шаблоны. Следует отметить, что рецензируемая монография в 1995 г. была удостоена ежегодной премии Комиссии отделения истории Российской академии наук за научные труды в области исторических исследований.

Х.М. Думанов